

Д.В. Тимофеев

ПРИНЦИПЫ ИНСТРУМЕНТАЛИЗАЦИИ МЕТОДОЛОГИИ «ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ РОССИИ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-31-00007-ОГН.

Рассмотрены основные вопросы применения методологии современной истории понятий в исследованиях по истории общественной мысли России. На основе анализа дискуссии в журналах первой четверти XIX в. о книге Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов» представлено отношение современников к конституции и действенности выборных институтов для обеспечения прав граждан. Сделан вывод о наличии в общественном сознании взаимосвязи понятий «закон», «собственность», «свобода» и «конституция».

Ключевые слова: история понятий; история общественной мысли; теория речевых жанров; методы исторических исследований; публичная коммуникация; российский конституционализм XIX в.

Изучение истории общественного сознания Нового времени, вне зависимости от того, является ли предметом изучения история экономической мысли, политических идеологий или философско-правовых учений, невозможно без выявления смысловых значений основных социально-политических понятий. В отличие от большинства слов такие понятия обозначают не предметы или явления материального мира, а используются для описания характера взаимоотношений между индивидами и властными институтами, моделей организации систем управления разного уровня, формулировки идеологических принципов и перспектив изменений политической и социально-экономической системы. Содержательно они могли быть известны достаточно длительное время или являлись новыми, заимствованными извне, но, в силу их концептуальной нагруженности, такие понятия всегда остаются открытыми для интерпретации представителями различных социальных страт и политических группировок. Так, например, в России дореформенного времени посредством одного и того же понятия «свобода» дворянин, купец или крепостной крестьянин могли обозначать принципиально различный спектр возможностей индивида в обществе, а соответственно, по-разному оценивали перспективы расширения границ личной инициативы в экономической и социально-политической сферах. Аналогичная вариативность смысловых акцентов прослеживается и при использовании российскими авторами понятий «конституция», «гражданские права», «просвещение», «государство», «собственность» [1].

Особую значимость социально-политические понятия получают с начала Нового времени в связи с процессом формирования публичной сферы как совокупности формальных и неформальных способов коммуникативного взаимодействия [2], позволяющих индивидам не только оперативно обмениваться информацией в процессе непосредственного личного общения, но и высказывать оценки и предложения по преобразованию окружающей их действительности. В России второй половины XVIII – первой четверти XIX в. рост количества и тематического разнообразия газет, журналов, литературно-публицистических про-

изведений и научно-популярной литературы, расширение каналов обращения во властные структуры различного уровня с прошениями, жалобами и проектами – все это способствовало возникновению в публичном пространстве дискуссий по широкому спектру религиозно-философских, социально-экономических, внутри- и внешнеполитических вопросов.

Аргументами в процессе публичных дискуссий могло быть обращение к произведениям известных европейских авторов, апелляция к общепризнанным моральным или религиозным нормам, а также рационально-утилитарное обоснование «полезности» определенного действия для достижения общественно значимых целей. В сложившихся условиях большое значение приобретали различные риторические приемы: способность использовать в определенном контексте известные читателю / слушателю понятия и ассоциации, умение придавать тексту необходимую эмоциональную, или напротив – рационально-логическую окраску. Все это существенно расширило возможности современников по интерпретации и реинтерпретации значений основных социально-политических понятий, которые становятся действенным инструментом в процессе конкурентной борьбы между сторонниками проектов изменения общественного устройства и приверженцами сохранения традиционных ценностей и институтов.

Для историка, исследующего историю общественного сознания, возрастание интерпретационной активности участников публичных дискуссий актуализирует необходимость разработки *практически ориентированной модели историко-понятийного анализа* текста исторического источника. Такая модель должна содержать комплекс принципов, позволяющих выявить не только изменения в содержании основных социально-политических понятий, но и то, каким образом современники использовали новые значения для выстраивания позитивно / негативно окрашенных ассоциативных связей, формулировки рациональных аргументов, способствующих усилению воздействия на потенциального читателя / слушателя.

Одним из вариантов решения обозначенной задачи может быть обращение к методологии «истории поня-

тий», в основании которой лежит признание неразрывной связи социальной реальности, языка, общественного сознания и коммуникативных действий. Теоретические рамки современной «истории понятий» были выработаны в процессе дискуссий между представителями двух основных направлений: немецкой школы *Begriffsgeschichte*, основоположником которой был профессор Билефельдского университета Р. Козеллек, руководивший коллективом авторов по составлению «Исторического лексикона социально-политического языка в Германии» [3]; и англосаксонской школы *History of Concepts*, концептуальные положения которой представлены в работах Дж. Покока, Кв. Скиннера [4, 5]. Наличие историографических обзоров, раскрывающих содержание теоретических построений, сходства и отличия в подходах *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts* [6–10], позволяет нам, не повторяя основные положения каждого направления, сконцентрировать внимание на решении ряда принципиальных вопросов, связанных проведением конкретно-исторических исследований по истории общественного сознания в России второй половины XVIII – первой половины XIX в.

Первый из них связан с необходимостью разграничения истории отдельных слов / понятий как таковых и истории общественного сознания в широком историко-культурном контексте. Принципиально важным в этой связи представляется признание бесперспективности изучения истории отдельных понятий без учета их взаимосвязей с другими понятиями, контекстами употребления и целями использования современниками изучаемого периода времени. С этих позиций, по словам Х.Э. Бёдекера, «...не одно отдельное понятие является предметом устремлений истории понятий, а весь понятийный аппарат, со всеми его внутренними взаимосвязями» [7. С. 45].

При таком подходе основополагающими принципами инструментализации методологии истории понятий в конкретно-исторических исследованиях должен быть принцип *системности*, базирующийся на признании существования логических и ассоциативных взаимосвязей между ключевыми социально-политическими понятиями, и *принцип контекстуальности*, предписывающий исследователю выявлять не только смещение смысловых акцентов при использовании социально-политических понятий, но и цели, средства и результаты такого смещения с позиций современников. Эвристический потенциал системного подхода к анализу социально-политического языка отчетливо прослеживается на примере адаптации в России начала XIX в. либерального принципа свободы личности. В текстах российских авторов смещение смысловых акцентов индивидуальной «свободы» происходило посредством установления взаимосвязей с понятиями «просвещение», «закон» и «государство», с помощью которых утверждалось – объем и границы «свободы» должны устанавливаться государством дифференцировано для каждой сословной, или даже внутрисословной, группы [1. С. 192–228, 366–404, 442–453].

Реализация принципа системности и контекстуальности ставит перед историком вопрос о методике

формирования источниковой основы исследования. Возможно ли использование текстов, чье авторство не установлено (например, публикации в журнале без подписи автора), отражает ли текст *выдающихся* исторических персонажей существенные изменения в социально-политическом языке или для выявления этих изменений следует обратиться к массовым источникам? Отвечая на подобные вопросы, К. Скиннер в докладе «О маловажности великих текстов» признавал, что «...совершенно недостаточно сколь угодно пристального чтения отобранных «значимых» трудов «великих» авторов, а требуется радикальное расширение как набора изучаемых текстов, так и круга их создателей, включая сюда словари, толковники, пособия и прочую «подручную» литературу той или иной эпохи» [11. С. 11–12]. Только при таком сочетании произведений выдающихся авторов, способных генерировать новые идеи и разнообразных, в том числе и вполне заурядных, текстов их современников, состоится возможная реконструкция широкого спектра общественных настроений.

Все это, на мой взгляд, обуславливает необходимость сформулировать еще один принцип изучения истории общественного сознания – принцип *сочетания текстов публичной коммуникации с неопределенным и определенным адресатом*. К первой группе текстов следует отнести законодательные акты, литературно-публицистические произведения, журнальные и газетные публикации, трактаты и листовки, публичные выступления и учебные пособия, т.е. тексты, открытые для чтения неограниченным кругом лиц и нацеленные на выражение позиции государственных структур или формирование общественного мнения как организованными группами, так и отдельными авторами. Вторая группа источников – тексты, созданные в процессе публичной коммуникации с определенным адресатом – может быть представлена проектами реформ, особыми мнениями, докладами, донесениями, частными жалобами, прошениями и т.п. Авторы такого рода текстов, обращаясь к конкретному адресату, рассчитывали на его ответную реакцию и для усиления эмоционального впечатления нередко использовали в необходимом (позитивном или негативном) контексте основные социально-политические понятия.

Предложенное сочетание двух типов публичных текстов позволяет сопоставить особенности использования социально-политических понятий в различных социальных средах и одновременно выявить особенности аргументации необходимости совершения практических действий как в масштабах страны, так и на местном, локальном уровне. Так, например, при изучении процесса поиска современниками вариантов решения крепостного вопроса в России первой четверти XIX в. принципиально важно сопоставить значение и контексты использования понятий «свобода», «вольность», «рабство», с одной стороны, в текстах многочисленных проектов отмены / смягчения крепостной зависимости, составленных представителями правительственной элиты, предложениях купечества, жалобах и прошениях частновладельческих крестьян, а с другой – в опубликованных на страницах россий-

ских журналах информационных заметках о «рабстве невольников» в других странах, статьях о способах управления помещичьим хозяйством, учебных пособиях для гимназий и университетов [12].

Сопоставление комплекса разнородных по своей направленности источников требует от исследователя выявления зависимости их содержания от непосредственных целей автора, статуса адресата и жанровой принадлежности текста [13]. При таком подходе ключевые категории историко-понятийного анализа — *адресность и жанровая принадлежность текста*, — обуславливают необходимость обращения к «теории речевых жанров» М.М. Бахтина¹. По его мнению, «речевой жанр» — устойчивый тип высказываний, существенным признаком которого является обращенность к слушателю / читателю, а содержание и способ выражения основных авторских интенций обусловлены представлениями о характере взаимоотношений между адресатом и адресантом, сформировавшимися стереотипами внутри- и межгруппового общения, широким социально-политическим, экономическим и культурным контекстом. С этих позиций «каждый речевой жанр в каждой области речевого общения имеет свою определяющую его как жанр типическую концепцию адресата» [14. С. 291]. В данном контексте при работе с текстом исторического источника необходимо изучить как автор, стремясь к достижению определённой цели, формулировал аргументацию и подбирал наиболее значимые для слушателя / читателя понятия с учетом сформировавшегося в его сознании образа адресата [Там же. С. 290–291, 294–295].

Все вышеизложенное позволяет нам сформулировать еще один принцип изучения общественно-политической мысли России Нового времени, в соответствии с которым следует анализировать не только различия между идеологическими позициями авторов, но и *неформальные «жанровые правила» построения текста*, которых они должны были придерживаться для того, чтобы быть «услышанными» определенным или неопределенным кругом адресатов. Так, например, при изучении политических сочинений российских авторов второй половины XVIII в. целесообразно сопоставить две сферы, различающиеся статусами участников коммуникации, — придворную и публичную. Жанровые правила придворной сферы формировались исходя из изначального неравенства участников коммуникации: одна из сторон — монарх, чей статус, вне зависимости от того, выступал он в качестве адресата (ода, панегирик, доклад и т.п.) или адресанта (наказ, именной указ и т.п.) был заведомо выше статуса любого другого участника, а другая — лица, обладавшие возможностью регулярного личного обращения к монарху и / или его фавориту. Такое коммуникативное неравенство, несмотря на значимость придворного окружения в процессе принятия монархом важных управленческих решений, практически исключало возможность публично оспорить любое высказывание, исходящее от носителя абсолютной императорской власти. Именно поэтому в текстах придворной сферы XVIII в. рассуждения, например, о законе или форме правления завершались

констатацией справедливости и правильности монархии в России [15].

В рамках публичной сферы была сформирована принципиально иная модель коммуникации, так как неизменным высшим статусом не обладал ни один из ее участников. В этом пространстве становятся возможными дискуссии между равными субъектами в открытом для всех поле [2. Р. 54–55], а круг адресатов мог быть как определенным, так и неопределенным, хотя, безусловно, даже в этом случае авторы текстов имели субъективные представления о потенциальной аудитории своих читателей.

Расширение возможности публично высказать согласие или несогласие с какими-либо политическими или экономическими принципами, используя для этой цели концептуально нагруженные социально-политические понятия, отчетливо просматривается при анализе содержания российских общественно-политических журналов первой четверти XIX в. Одним из наиболее полемичных жанров в периодической печати этого времени становятся так называемые «критические замечания». Написанные в форме рецензии на сочинения российских авторов, подобного рода тексты были ориентированы не только на обезличенную аудиторию читателей журнала, но и на вполне конкретного, читателя — автора, произведение которого подвергалось оценке. В некоторых случаях ответная реакция на «замечания» разворачивалась в заочный диалог двух авторов, обращавшихся к читателям в качестве своеобразного арбитра в споре. При этом наиболее часто используемым риторическим приемом стало утверждение, что «ложное мнение» автора / критика является следствием неправильной трактовки того или иного понятия.

Именно такой сценарий диалога представлен в публикациях о книге Н.И. Тургенева «Опыт теории налогов» на страницах журналов «Сын Отечества» и «Дух журналов». Его участниками были, с одной стороны, анонимный автор, указавший о себе только то, что он был «воспитан и взрос в Англии... в доме российского министра» [16. Кн. 5. С. 193–194], а с другой — известный публицист, член комиссии составления законов Н.И. Тургенев². В отличие от ряда других рецензий [18–20] основное содержание опубликованных в «Духе журналов» «замечаний» [16, 21] было сосредоточено не на главном предмете сочинения Н.И. Тургенева — основных принципах налогообложения в различных странах мира, а вокруг двух сюжетов: необходимости «прояснения» для читателей соотношения понятий «закон» и «свобода» в современном обществе; ответа на вопрос, является ли «конституция» и органы сословного представительства гарантией соблюдения гражданских прав и свобод.

Отправной точкой для первого сюжета стала приведенная Н.И. Тургеневым цитата из работы И. Бенгтама о сущности закона: «Всякой закон есть зло, ибо всякой закон есть нарушение свободы» [22. С. 16–18]. Данное утверждение побудило автора «замечаний» выйти за пределы экономического дискурса и поразмышлять о сущности понятий «свобода» и «закон». Он напоминал читателю, что «слово свобода предполагает воли неограниченное действие: я свобо-

ден делать зло и добро, глупо и умно действовать, своевольничать и вредить каждому и всем как мне рассудится» [21. С. 142]. В данном контексте, по его мнению, «... закон, нарушая свободу человека, могущего предаваться злumu, и удерживая ее в границах правды, блага и порядка, есть самое величайшее благо, коим человек пользоваться может; есть причина его безопасности от наклонностей лиц посторонних, и основание его спокойствия и блаженства» [Там же. С. 144].

Рассматривая взаимосвязь понятий «закон» и «свобода» в широком морально-этическом, религиозном и правовом контексте, критик сочинения Н.И. Тургенева использовал хорошо известные риторические приемы: противопоставление негативного и, безусловно, позитивного значения понятия; подтверждение своих суждений яркими, эмоционально-окрашенными примерами, вызывающими скептическую усмешку и / или чувство сострадания к обездоленным; иллюстрация позитивного опыта, позволяющего избежать описываемых проблем.

Все эти способы аргументации были последовательно использованы при ответе на поставленный перед читателями вопрос: «В чем состоит свобода народная?». Автор «замечаний», объясняя необходимость поиска ответа, констатировал, что в современном обществе «свобода» – есть «слово, неопределенное в смысле и понятии, получает разные толки; один понимает оное так, другой иначе, и оба самим себе делаются невразумительными» [16. Кн. 6. С. 263]. Для устранения подобной двойственности читателю был предложен целый ряд риторических вопросов, подразумевающих отрицательный ответ:

«В том ли свобода, чтобы какой-нибудь сумасброд посредством ему подобных был волен собрать более сорока тысяч бессмысленных зевоворотов..., врать народу о мерах правительства, коих ни он сам, ни слушатели не знают и не понимают; проповедовать площадные истины, в чем Конституция обветшала, которые все знают только отрывками, ибо целого сообразить не состоянии. <...> В том ли свобода, чтоб рассыпавшись по улицам, напиться пьяным, насильствовать, грабить дома чиновников государственных. <...> В том ли свобода, чтоб как во Франции делал народ, вешая на фонарях, по наущению Маратов, Робеспьеров и иных подобных; <...> В том ли свобода, чтоб открыть пространное поле безумному своевольству, бешенству страстей и неистовству помраченного разума, объятых мраком и пьяного предубеждениями?» [16. Кн. 6. С. 264–265].

Общее негативное впечатление от того, к чему приводит ложное понимание «свободы», усиливалось упоминанием о Французской революции и авторским комментарием, что «...всяк с ужасом усмотрит, что это гибель общая, а не свобода гражданская» [Там же. С. 265]. Продолжая избранный жанр разговора с читателем, автор «замечаний» предлагает в противовес ложному пониманию «свободы» ее позитивную трактовку.

По его мнению, «свобода» состоит «...в том, чтоб всякий член общества, ограничивающий себя в преде-

лах правды, блага и порядка, не делающий иному того, чего себе не желает и чуждого не желающий, имел несомненное право, своими трудами, искусством, знанием и прочими средствами, иным невинными, промыслять продовольствие своего семейства, не токмо безбедное по состоянию своему и чину, в обществе занимаемому, но даже избыточное; употреблять приобретаемое им для блага своего семейства; и чтоб ни Правительство, ни частные лица в оном ему препятствовать были бессильны» [16. Кн. 6. С. 266].

Таким образом для автора «замечаний» понятие «свобода» оказывается тесно взаимосвязанным с готовностью индивида к добровольному самоограничению эгоистичных желаний, если они противоречат общему благу; уважением интересов других индивидов; наличием у человека возможности обеспечить материальное благополучие своей семьи; безусловной гарантией соблюдения права личности на безопасность и неприкосновенность собственности. При этом его интересует не только теоретическое определение данного понятия, но и конкретные примеры, иллюстрирующие возможность реализации «свободы» на практике. Именно в этом контексте он обращается к анализу утверждения Н.И. Тургенева о решающем значении английской «конституции», определившей право выборных представителей выражать свое согласие на введение новых налогов. Важным следствием такого «согласия / несогласия» в работе Н.И. Тургенева являлась возможность защиты «подлинной гражданской свободы» для каждого индивида.

Сформулировав перед читателями вопрос «...существенно ли Англия пользуется свободой, или токмо формами гражданской свободы», автор подробно и эмоционально описывал недостатки выборов в парламент, которые, по его мнению, не имеют ничего общего со свободным волеизъявлением народа. Непропорциональное представительство различных районов страны, предварительный сговор и подкуп голосов, невежество не только избирателей, но и членов Нижней палаты Английского парламента, которые нередко спали на заседаниях или, напротив, могли драться друг с другом – все это позволило автору утверждать, что депутаты не способны выражать интересы своих избирателей, а вынуждены исполнять волю правительства и крупных монополистов. Отсутствие фактической свободы принятия решений народными представителями являлось убедительным доказательством существования в Англии лишь внешней формы, своеобразной иллюзии «свободы». На практике же, по мнению автора, «... слово волеизъявление, Конституция, благо общественное и пр. в устах, но корысть и собственные выгоды в сердце» [16. Кн. 5. С. 208].

Не менее убедительным подтверждением формального характера «народной свободы» в Англии, обязательным атрибутом которой автор считал возможность индивида обеспечить благосостояние своей семьи и приобрести собственность, является значительное имущественное расслоение населения Англии. Для доказательства справедливости данного утверждения он использовал еще два часто встречающихся

в текстах второй половины XVIII – первой половины XIX в. риторических приема свидетельство очевидца; и обращение к работам авторитетного литератора, правоведа или экономиста, имя которого могло быть известно читателям, даже в том случае, если они лично не были знакомы с его произведениями.

Позиционируя себя как человека, хорошо знакомого с английской действительностью, автор «замечаний» изложил свои впечатления от пребывания в Англии. По его словам, при внешнем благополучии городов и селений бедность не бросается в глаза праздному путешественнику, «...но... загляни в ярус подземельный, на чердаки, в сарай: там увидишь работников с семействами, помещенных по углам, где настлано соломой...» [16. Кн. 6. С. 276–277]. Низкая заработная плата, «...установленная многими учреждениями парламента», и безработица стали главными причинами положения, при котором около 6 млн человек испытывают недостаток в элементарных продуктах питания, одежде и жилье. Для большей убедительности автор цитирует отрывки из работ Ж.Б. Сея о формальном характере гарантий свободы и права собственности, а завершает предлагаемую читателю систему доказательств изложением мнения А. Смита: «Сам англичанин признается, что такого притеснительного для бедных учреждения нигде нет, кроме Англии, под Конституцией, ограждающей свободу и собственность жителей; почему всякой видит, какова ограда сия» [Там же. С. 276–279]. На этом фоне положение наемных работников в России представлено автором как безусловно положительный пример действительной, а не «формальной «свободы»: «Никому не воспрещено трудами, искусством, работою и промышленностью снискать довольство и даже излишество для своего семейства, и нет законов противодействующих каждому благосостоянию; следственно русские пользуются *сущностью* свободы, оставляя без зависти просвещенных англичан, праведно гордиться формами своей свободы и своеволия» [Там же. С. 275].

Однако подобного рода благостная картина российской действительности и описание народной бедности в Англии не позволяли ответить на одни из главных вопросов – действительно ли, как утверждал в своей книге Н.И. Тургенев, именно «конституция» как комплекс законов, обеспечивающих право народных представителей защищать свободу и собственность граждан, способствовала росту экономического могущества Англии? Отвечая на него, автор «замечаний» приходит к главному выводу: в основе доминирования английских товаров на рынках различных стран мира лежит прагматичный союз власти и торгово-промышленных кругов: «... не конституция, не свобода и блаженство народа, а корысть, имущая всевозможную силу в руках, дала Англии над всеми народами и Государствами преимущество в торговле» [16. Кн. 6. С. 283]. В такой трактовке автор не отрицает потенциальную возможность благотворного влияния «конституции», если она действительно обеспечивает личную свободу, неприкосновенность собственности и личную безопасность граждан. Он лишь акцентировал внимание читателей на декларативном

характере конституции в Англии и возможности обеспечения благополучия граждан без дополнительных политических институтов, таких, например, как английский парламент.

Реакция Н.И. Тургенева на критические «замечания» представляется не менее интересной для историко-понятийного анализа текстов публичной коммуникации. В отличие от своего анонимного оппонента, он использовал не восклицательно-пафосный, а иронически-назидательный и рационально-доказательный стиль изложения. Так, например, в первой части ответной статьи Н.И. Тургенев отмечает небрежное отношение рецензента к употреблению некоторых понятий и даже неуместное стремление к «словопроизводству или «словосоставлению» [23. С. 103]. В начале второй части – с удивлением замечает «новизну» и необоснованность утверждения о значительной роли Вольтера в формировании представлений современников о «Конституции»: «...Английская Конституция, по словам Рецензента, обязана своею извесностью Вольтеру! Вот новая заслуга славного Писателя, которой не приписывали ему самые горячие его защитники и почитатели и которую предоставлено было открыть и засвидетельствовать нашему Рецензенту!» [17. С. 207–208].

Однако, несмотря на нескрываемую иронию в отношении уровня образованности своего оппонента, Н.И. Тургенев ведет разговор с читателем о принципиально важной, с его точки зрения, задаче – необходимости формирования в сознании современников правильного смыслового наполнения понятий «закон», «свобода» и «конституция». Так, например, отвечая на критику в отношении приведенной в книге «Опыт теории налогов» цитаты из сочинения И. Бентама о том, что «всякий закон есть нарушение свободы», он с сожалением констатировал: «рецензент вместо того, чтобы говорить о финансах и тем самым способствовать распространению здравых идей о сем предмете, представил в замечаниях своих собственную свою теорию о законе, истолкование некоторых заповедей, привел в пример Мунго-Парка и проч., и проч.» [23. С. 97]. При этом читателям было предложено самим разобраться, был ли он не прав, когда использовал слова «глубокомысленного писателя» для иллюстрации сущности налоговой системы, которая, как и любой «закон», накладывает обязательства и ограничивает личную «свободу» индивида. Н.И. Тургенев объяснял, что никогда не опровергал необходимость «закона» для обеспечения бесконфликтного сосуществования людей обществе, а лишь указывал на принципиальное противоречие между экономическими интересами отдельного индивида и его обязанностью платить налоги. Именно с этих позиций «...каждый налог есть зло, ибо он лишает платящего части его собственности, а следовательно, правительству «надлежит с искусством избирать сие зло, т.е. надлежит избирать легчайшее» [Там же. С. 101–103]. В данном контексте содержание понятия «закон» трактовалось шире, чем просто «предписание, правило, учение, что делать и чего не делать» [24. С. 9; 25. С. 612], подразумевало, что у гражданина существуют «естественные права» на «свободу» и «собственность», наличие которых

должно учитывать «государство» при осуществлении своей налоговой политики.

Аналогичной логики прояснения смысла понятий, основываясь не только на теоретических рассуждениях европейских мыслителей, но и учитывая социально-экономические реалии каждой конкретной страны, Н.И. Тургенев придерживался и при ответе на замечания рецензента о формальном характере выборов в английский парламент и неспособности депутатов отстаивать гражданские права своих избирателей. Он признавал, что существующая в Англии избирательная система действительно не позволяет обеспечить справедливое пропорциональное представительство различных территорий, но это не имеет принципиального значения, так как, по его словам, «Великие выгоды Английской Конституции и сила общего мнения исправляют сей недостаток» [17. С. 210]. Именно такое сочетание – институционально оформленное представительство (парламент) и неконтролируемое властями «общее мнение» – позволяет, по мысли Тургенева, утверждать: «...каждый депутат представляет не только тех, от кого он выбран <...>, но весь народ, так, что Палата депутатов, равно как и каждый член оной, действует именем всего народа» [Там же. С. 211]. Следовательно, благодаря «силе общего мнения» «...каждый гражданин, на самом деле, имеет своего представителя в парламенте», который будет защищать его экономические интересы.

В качестве примера, опровергающего выводы рецензента о зависимости выборных депутатов от монополистов и правительства, Н.И. Тургенев приводит парламентскую дискуссию «о податях с дохода (income tax)» 1816 г., в ходе которой «...представители народные требовали уничтожения сего налога и успели в своем требовании, несмотря на сильное сопротивление со стороны Министров» [17. С. 215–216]. Но главный, сущностный, ответ Н.И. Тургенева на критику сводился к тому, что что его оппонент, акцентируя внимание читателей на недостатках выборной процедуры и работы парламента, тем самым признавал принципиальную важность института народного представительства как такового. По мнению автора, рецензент, по сути, соглашался с утверждением о функциональном назначении «конституции», вне зависимости от того, представлена ли она в форме одного «коренного закона» или системы важнейших нормативно-правовых актов. Сам факт критики системы выборов и неспособности депутатов отстаивать интересы своих избирателей подтверждал общность понимания содержания понятия «конституция»,

главным предназначением которой является установление порядка формирования органов сословного представительства, юридическое закрепление прав граждан на свободу, собственность и безопасность от посягательств как со стороны сограждан, так и государства [17. С. 210, 214].

Приведенный пример историко-понятийного анализа публичной дискуссии в рамках жанра «рецензии / замечаний» и «ответа на рецензию / мнение» наглядно демонстрирует эвристический потенциал предложенного подхода для выявления содержания и взаимосвязей понятий «свобода», «закон», «собственность» и одновременно их включенности в смысловое поле понятия «конституция». Конечно, выявленные варианты трактовок этих понятий не исчерпывают всю палитру восприятия современниками конституционных идей, но существенным образом дополняют наши представления о точках соприкосновения позиций и формировании системы аргументов как противников, так и сторонников перспективы установления в России первой четверти XIX в. конституционной монархии.

Аналогичным образом следует анализировать содержание публичных дискуссий, возникавших в различных жанрах по вопросу о необходимости и возможных вариантах решения проблемы «рабства крестьян», повышения эффективности системы управления и судопроизводства, модернизации фабрично-заводской промышленности и укрепления финансовой системы, целесообразности законодательной регламентации содержания гражданских прав для каждой сословной группы российского общества. Таким образом, реализация предложенных принципов (контекстуальности; системности; сочетания текстов публичной коммуникации с определенным и неопределенным адресатом; проблемно-тематического и жанрового многообразия) позволит исследователю реконструировать процесс взаимопроникновения концепций и идеологических установок, оказывавших влияние на формирование различных направлений в общественном сознании России второй половины XVIII–XIX вв. В совокупности обозначенный комплекс принципов, предоставляя историку конкретные инструменты формирования источниковой базы и методов работы с текстами, может стать основой универсальной, практически ориентированной модели изучения истории общественного сознания в различных странах мира Нового и Новейшего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Практически одновременно с Бахтиным сходные идеи высказал британский лингвист Дж. Остин. Его концепция речевых актов (Speech Acts Theory) была представлена в работе 1962 г. «How to Do Things With Words». Позднее она стала основой для концептуальных построений Кв. Скиннера и Дж. Покока.

²В ответной публикации Тургенев высказывает сомнение в достоверности этих сведений, резко критикуя уровень грамотности, логические противоречия и стилистические особенности текста «замечаний» [17. С. 208, 211–214].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск : Энциклопедия, 2011. 456 с.
2. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge : MIT Press, 1991. 301 с.
3. Козеллек Р. Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: пер с нем. В 2 т. М. : НЛЮ, 2014. Т. 1. С. 23–44.

4. Pocock J.G.A. *Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History*. London, 1972. 290 с.
5. Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66.
6. Атнашев Т., Велижев М. «Context is king»: Джон Покок – историк политических языков (от составителей) // Новое литературное обозрение. 2015. № 134 (4). С. 21–41.
7. Бёдекер Х.Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор : сб. ст. / под ред. Х.Э. Бёдекера: пер. с нем. М. : НЛЮ, 2010. С. 34–65.
8. Копосов Н.Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. работ. СПб. : Алетейя, 2006. С. 9–32.
9. Миллер А.И., Сдвижков Д.А., Ширле И. Предисловие // «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. М. : НЛЮ, 2012. Т. 1. С. 5–46.
10. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М. : Новое литературное обозрение, 2018.
11. Дмитриев А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 6–16.
12. Тимофеев Д.В. Теория и практика источниковедения в исследованиях по истории крестьянского вопроса в России первой четверти XIX века // Мир историка и пространство истории: сб. ст. к юбилею профессора Н.Н. Алеврас. Челябинск, 2018. С. 259–274.
13. Бугров К.Д. Инструментарий истории понятий и его применение в изучении политической истории России XVIII века // Известия Ур-ФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1 (160). С. 160–176.
14. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.
15. Киселев М. Трактат De L'Esprit des Lois III.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5, № 4. С. 1131–1148.
16. Замечания на книгу Тургенева Опыт теории налогов (продолжение) // Дух журналов. 1820. кн. 5. С. 193–214, кн. 6. С. 263–286.
17. Продолжение замечаний на рецензию в Духе Журналов помещаемую // Сын Отечества. 1820. Ч. 60, № XI. С. 207–216.
18. Некоторые замечания на опыт Теории налогов // Отечественные записки. 1826. Ч. 26, кн. LXXIV. С. 415–434.
19. Новые книги // Сын Отечества. 1818. Ч. 50, № XLVIII. С. 134–138; 1819. Ч. 58, № LI. С. 225–231.
20. Опыт теории налогов, сочиненной Николаем Тургеневым // Сын Отечества. 1818. Ч. 50, № L. С. 207–224; № LI. С. 258–271.
21. Замечания на книгу Тургенева Опыт теории о налогах (сообщено) // Дух журналов. 1820, кн. 4. С. 141–156.
22. Тургенев Н.И. Опыт теории налогов. СПб. : Тип. Н. Греча, 1818. 371 с.
23. Нечто о рецензии, помещенной в 4 номере Духа журналов // Сын Отечества. 1820. Ч. 60, № IX. С. 97–104.
24. Словарь Академии Российской. Ч. 3. СПб., 1792. С. 9.
25. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 2.: Д – К. СПб., 1809. С. 612.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 октября 2018 г.

PRINCIPLES OF INSTRUMENTALIZATION OF THE “HISTORY OF CONCEPTS” METHODOLOGY IN THE STUDIES OF PUBLIC THOUGHT IN RUSSIA IN THE 18TH – FIRST QUARTER OF THE 19TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 436, 184–191.

DOI: 10.17223/15617793/436/22

Dmitrii V. Timofeev, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russian Federation); Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: dmitrtim@yandex.ru

Keywords: history of concepts; history of public thought; speech genre theory; historical methods; public communication; 19th-century Russian constitutionalism.

The paper deals with the important issues of implementation of methods of the history of concepts in the historical studies of public thought. The aim of the paper is to establish the principles of conducting a study of public thought with the use of methodological approaches of German and Cambridge schools of ‘history of concepts’ and Bakhtin’s theory of speech genres. The paper also formulates the principles of contextuality, of system approach, of combining texts of public communication with specified and unspecified addressee, of thematic and genre variety of sources of historical study. The practical approbation of the aforementioned principles was based upon the study of a polemic in Russian periodicals of the early 19th century around N. I. Turgenev’s “Experience in the Theory of Taxes”: a review of an anonymous author and Turgenev’s response published in *Syn Otechestva* and *Dukh zhurnalov* in 1820. The central point of the polemic was the question about the ability of elective bodies of class representation, which were also seen as the essence of ‘constitutional government’, to provide adequate protection of civil rights. Turgenev, using England as an example, argued in favor of the elective system to increase personal freedom and property of citizens, while his anonymous opponent insisted that any elective bodies would be merely tools of bureaucratic deception chasing their own purposes. The comparison of interpretations, logical arguments and interconnections the participants of the discussion used while talking of ‘liberty’, ‘law’, ‘constitution’ and ‘property’ allows to discover the most important contexts of their practical use. The author shows that the anonymous critic of Turgenev’s work envisaged ‘law’ and ‘liberty’ in a broader moral, religious and legal context, including the well-known rhetorical tricks, like the counterposing of the negative French revolutionary experience to the positive Russian monarchical stability. Meanwhile, Turgenev, responding to the attack, emphasized the importance of legal protection of rights of elected representatives to participate in the discussion of issues of taxation and property. These functions of parliament, according to Turgenev, reflected the very essence of constitutional governance. The author makes a conclusion about the existence of strong connections between the concepts ‘law’, ‘property’, ‘liberty’ and ‘constitution’ in the Russian public thought of the early 19th century; such a connection could be used either to argue in favor of parliamentary innovations in Russian political practice, or to criticize them fiercely. The author also stresses that the proposed set of methodological principles of ‘history of concepts’ could be used rather productively to study the public discussion about the purposes and character of political modernization of the Modern Age.

REFERENCES

1. Timofeev, D.V. (2011) *Evropeyskie idei v sotsial'no-politicheskom leksikone obrazovannogo rossiyskogo poddannogo pervoy chetverti XIX veka* [European ideas in the socio-political lexicon of the educated Russian citizen of the first quarter of the 19th century]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.

2. Habermas, J. (1991) *The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: MIT Press.
3. Kozellek, R. (2014) Vvedenie (Einleitung) [Introduction]. In: *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy: izbrannye stat'i. V 2 tt.* [Dictionary of basic historical concepts: selected articles. In 2 vols]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: NLO.
4. Pocock, J.G.A. (1972) *Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History*. London: Methuen & Co LTD.
5. Skinner, K. (2004) Kollingvudovskiy podkhod k istorii politicheskoy mysli: stanovlenie, vyzov, perspektivy [Collingwood's approach to the history of political thought: The formation, challenge, prospects]. Translated from English. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 66. pp. 55–66.
6. Atnashev, T. & Velizhev, M. (2015) "Context is king": Dzhon Pokok – istorik politicheskikh yazykov (ot sostaviteley) [Context Is King: John Pocock, a Historian of Political Languages (from compilers)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*, 134(4). pp. 21–41.
7. Boedeker, H.E. (2010) Razmyshleniya o metode istorii ponyatiy [Reflections on the method of the history of concepts]. In: Boedeker, H.E. (ed.) *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor* [History of concepts, history of discourse, history of metaphors]. Translated from German. Moscow: NLO.
8. Kuposov, N.E. (2006) Istoriya ponyatiy vchera i segodnya [The history of yesterday and today concepts]. In: *Istoricheskie ponyatiya i politicheskie idei v Rossii XVI–XX veka* [Historical concepts and political ideas in Russia in the 16th – 20th centuries]. St. Petersburg: Aletyya.
9. Miller, A.I., Sdvizhkov, D.A. & Shirle, I. (eds) (2012) "Ponyatiya o Rossii": k istoricheskoy semantike imperskogo perioda [Concepts about Russia: on the historical semantics of the imperial period]. Vol. 1. Moscow: NLO. pp. 5–46.
10. Atnashev, T. & Velizhev, M. (2018) *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: NLO.
11. Dmitriyev, A. (2004) Kontekst i metod (predvaritel'nye soobrazheniya ob odnoy stanovyashchetsya issledovatel'skoy industrii) [Context and method (preliminary considerations about one emerging research industry)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 66. pp. 6–16.
12. Timofeev, D.V. (2018) Teoriya i praktika istochnikovedeniya v issledovaniyakh po istorii krest'yanskogo voprosa v Rossii pervoy chetverti XIX veka [Theory and Practice of Source Study in Studies on the History of the Peasant Question in Russia in the First Quarter of the 19th Century]. In: Grishina, N.V. & Andreeva, T.A. (eds) *Mir istorika i prostranstvo istorii* [World of Historian and Space of History]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
13. Bugrov, K.D. (2017) Applying the methods of the history of concepts to the study of 18th century Russia's political history. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. 19:1(160). pp. 160–176. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2017.19.1.013
14. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskustvo, pp. 250–296.
15. Kiselev, M. (2017) Montesquieu's treatise De L'Esprit des Lois and fundamental laws in Russia in the early 1760s. *Quaestio Rossica*. 5(4). pp. 1131–1148. (In Russian). DOI: 10.15826/qr.2017.4.271
16. Dukh zhurnalov. (1820) Zamechaniya na knigu Turgeneva Opyt teorii nalogov (prodolzhenie) [Commentaries on Turgenev's Experience in the Theory of Taxes (cont.)]. *Dukh zhurnalov*. 5. pp. 193–214; 6. pp. 263–286.
17. Syn Otechestva. (1820) Prodolzhenie zamechaniy na retsenziyu v Dukhe Zhurnalov pomeschaemuyu [Commentaries for review in Dukh zhurnalov, cont.]. *Syn Otechestva*. 60(XI). pp. 207–216.
18. Otechestvennye zapiski. (1826) Nekotorye zamechaniya na opyt Teorii nalogov [Some remarks on the Experience of the Theory of Taxes]. *Otechestvennye zapiski*. 26(LXXIV). pp. 415–434.
19. Syn Otechestva. (1818) Novye knigi [New Books]. *Syn Otechestva*. 50(XLVIII). pp. 134–138.
20. Syn Otechestva. (1818) Opyt teorii nalogov, sochinennoy Nikolaem Turgenevym [The Experience of the Theory of Taxes by Nikolai Turgenev]. *Syn Otechestva*. 50(L). pp. 207–224; 50(LI). pp. 258–271.
21. Dukh zhurnalov. (1820) Zamechaniya na knigu Turgeneva Opyt teorii o nalogakh (soobshcheno) [Commentaries on the Experience of the Theory of Taxes by Nikolai Turgenev]. *Dukh zhurnalov*. 4. pp. 141–156.
22. Turgenev, N.I. (1818) *Opyt teorii nalogov* [The Experience of the Theory of Taxes]. St. Petersburg: tip. N. Grecha.
23. Syn Otechestva. (1820) Nehto o retsenzii, pomeschennoy v 4 numere Dukha zhurnalov [Something about the review, placed in Is. 4 of Dukh zhurnalov]. *Syn Otechestva*. 60(IX). pp. 97–104.
24. Imperial Academy of Sciences. (1792) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Pt. 3. St. Petersburg: pri Imperatorskoy Akademii nauk. p. 9.
25. Imperial Academy of Sciences. (1809) *Slovar' Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poriyadku raspolyzhenny* [Dictionary of the Russian Academy, in alphabetical order]. Pt. 2. St. Petersburg: pri Imperatorskoy Akademii nauk. p. 612.

Received: 24 October 2018